

В декабре 1872 года бриг «Мария Селеста», плывший из Нью-Йорка в Геную, был обнаружен дрейфующим в Атлантическом океане. Вся его команда исчезла.

В 1930 году эскимосский город Ангикуни в Канаде оказался полностью заброшен. Более тысячи жителей бесследно исчезли.

Почти четыре столетия назад, в августе 1590 года, сто тридцать поселенцев из Роанока (в настоящее время штат Северная Каролина, США) исчезли навсегда.

Но в этом последнем случае удалось кое-что обнаружить. На дереве в центре поселка кто-то вырезал слово «Кроатоан».

1

Начало

— Не уходи далеко, Санти, — говорит папа.

— Ладно.

Последнее, что слышит Санти, — это мамины рассуждения: она не знает, что старее — этот велосипед или эта машина, а папа отвечает: «Мне вот больше лет, чем велосипеду и машине, ты что — и мужа нового хочешь?» Смех. Сара что-то пищит. Наконец пропадает и голос его младшей сестры, остаются только звуки природы.

Вооружившись лупой и фотоаппаратом, Санти осторожно спускается по склону горы, готовясь к встрече с дикой жизнью. София и Сара называют это «игрой», но отец относится к его занятию вполне уважительно. Как и всегда, когда они выезжают на пикник, папа разрешает Санти погулять в одиночку, чтобы наблюдать и фотографировать необычных животных. К десяти годам у Санти в компьютере накопилась неплохая фотоколлекция насекомых, птиц и червяков. Сара говорит, что они «мерзкие», но Санти с ней не согласен. Это просто животные. «Для насекомых ты тоже мерзкая», — однажды ответил он сестре. Поднялся крик, детей ути-

хомирил папа. То, чем занимается Санти, — это «наука». Кто знает, быть может, в будущем его работа будет связана с чем-то подобным. Папа — учитель в той же школе, где учатся Санти и его сестры, и хотя он преподает историю в старших классах, ему нравится, когда его дети совмещают учебу с развлечением. О чем думать не так весело — это что сейчас начало сентября и до нового учебного года остается лишь неделя, каникулы заканчиваются у всех, даже у папы. Поэтому этот день в горах — как будто прощание с летом. И конечно, Санти не откажется от своей научной экспедиции.

В конце горного склона его ждет впадина, а потом еще один хребет, не такой обрывистый, с тонкими стволами берез. Одна из берез упала, образовав мостик между двумя хребтами, и Санти переходит по нему, удерживая равновесие, как будто под ним — бездонная пропасть. Он поднимается по новому склону и замечает на откосе густонаселенный муравьиный город. Но в коллекции Санти муравьев уже достаточно.

Мальчик наблюдает за ними через лупу. Захватывающее зрелище! Никакая игрушка с этим не сравнится. Их антенны, их слепое упорство! Вечное движение. Два муравья как-то ухитряются волочить мертвого скарабея. Вот это действительно заслуживает снимка.

Пока Санти настраивает фотоаппарат, за его спиной неожиданно раздается шелест. Это вспорхнула птица. Сорока. Мальчик фотографирует муравьев и продолжает путь.

Санти замечает ямку под деревом. Это точно чья-то нора. Может быть, ее вырыли кроты, зайцы или даже крысы. Санти наклоняется и внимательно изучает нору. Он готов ко всему. Тонкая паутина на входе дрожит

под ветром, как занавесь на открытой двери. А дальше за ней ничего не видно. Там слишком темно.

Подождав несколько минут, мальчик решает двинуться дальше. Конечно, он нервничает, но за это ему перед собой стыдно. Он же идет не по глухому лесу, а по Мадридской сьерре, в окрестностях Ферруэлы, совсем рядом — кемпинг. Сейчас полдень шестого сентября и повсюду вокруг — цивилизация. К тому же Санти в любой момент может вернуться на поляну, где его семья устраивает пикник. Он зашел не слишком далеко. Вот о чем думает Санти, когда замечает что-то необычное на соседнем кусте.

Санти Химено не верит собственной удаче. Это насекомое-палочник. Их очень трудно заметить, потому что они маскируются, притворяясь веточками. Этот палочник сидит на большом листе, его легко можно принять за остро отточенный зеленый карандаш. Санти с упоением рассматривает его сквозь лупу и делает несколько снимков. Насекомое пребывает в неподвижности, словно чего-то ждет.

Санти потратил слишком много времени, любуясь чудесной находкой, поэтому он принимает решение вернуться, пока родители его не хватились. К тому же он возбужден, ему не терпится показать фотографии. Санти спускается с горы, переходит через провал и начинает второй подъем. Не слышно ничьих голосов, не слышно даже запыленной Сары. Наверно, все уже обедают. Машина служит ему ориентиром. Отец припарковался на поляне возле деревянного стола с лавками, поставленного специально для пикников на свежем воздухе, белую крышу автомобиля хорошо видно сквозь ветки. Семья и раньше приезжала в Ферруэлу, но этот

уголок они выбрали впервые. И выбор оказался просто замечательный!

— Папа, мама, я видел палочника! — кричит Санти.
На поляне никого нет.

На деревянном столе — скатерть и тарелки. Багажник «ситроена» открыт, к машине прислонен велосипед Санти. Папин велик (он повыше, и скоростей у него больше) упал на землю. Мамина кожаная куртка висит на складном стуле и колышет на ветру пустыми рукавами, словно обращаясь к нему: «Прощай, Санти» или, быть может, «Санти, иди сюда». Со стола разлетелись бумажные салфетки, осталась только одна, прижатая бутылкой кока-колы. Жареный цыпленок, главное лакомство в загородной поездке, до сих пор томится в полиэтиленовом пакете, а салат — в закрытой миске. На стуле — айпод Софии, его старшей сестры.

Санти зовет — никто не откликается. Куда они все могли подеваться? Поляна окружена деревьями, но за машиной видна стена, идущая вокруг кемпинга. Может быть, они туда пошли? Встретили кого-то из друзей и отправились в гости? Санти бежит к стене, не переставая кричать:

— Мама! Папа! Софи! Сара!

Стена очень длинная, но и возле нее никого нет.

— Мама! Папа! Софи!

На поляне ничего не изменилось. Более внимательный осмотр показывает, что разложены не все столовые приборы: рядом с папиной тарелкой лежат пластиковые нож и вилка, рядом с маминой — тоже, у Софии — только нож, у него и у Сары приборов вообще нет, а остальные вилки и ножи свалены кучкой посреди стола.

— Мама! Папа!

У «ситроена» с маминой стороны приоткрыта дверь. Санти заглядывает внутрь, но видит только обернутые пищевой пленкой бутерброды и бутылки с напитками.

Санти возвращается к столу, оглядывается по сторонам.

— Мама!

Он и сейчас не хочет впасть в панику. Вокруг безмолвные деревья. Облака наплывают на солнце. Папа, когда выходил из машины, говорил, что надеется провести этот день без дождя.

Санти намечает новое направление поиска. Крики его слышны вдалеке. Потом — тишина. Потом еще крики. Потом — тишина.

На поляне никого нет.

2

Обсерватория

Свет внезапно гаснет.

— Вашу мать, — говорит Кармела Гарсес.

Сквозь прямоугольное окошечко проникает совсем мало света. Теоретически, в обсерватории есть генератор, и, тоже теоретически, Дино должен его запустить, но самого Дино в обсерватории, кажется, нет.

В детстве темнота сильно пугала Кармелу. В тридцать четыре года она по-прежнему не любит темноту, но у тебя, в сущности, нет выбора, если ты желаешь пользоваться обсерваторией этологии при Мадридском центре экосистем. Перебои с электричеством, с водой, с интернетом. Ситуация осложняется еще и тем, что начальство больше не заинтересовано в сохранении этого места.

Кармела смотрит на черный экран компьютера, за которым она только что работала. У всех трех компьютеров предусмотрены аварийные аккумуляторы, но они давно требуют замены. А на это тоже нет ни денег, ни доброй воли. К счастью, все, что Кармела успела доба-

вить в свою статью о поведении животных в неволе и в дикой природе, должно было сохраниться.

В этот раз отключение света продолжается чуть дольше. Пока глаза Кармелы привыкают к относительной темноте, она слышит за спиной какой-то шум. Резкий и необычный шум. Полумрак как будто усиливает звуки. Волосы на затылке у девушки встают дыбом, но через секунду она улыбается и начинает рассуждать вслух:

— Шум доносится... с юга. Дистанция — полтора метра. Время... — Она сверяется с наручными часами, — двенадцать часов семнадцать минут, шестое сентября. Разновидность: треск. Возможная причина...

В этот момент свет возвращается. Компьютер, свистнув, как чайник, включается, на клетках с животными загораются лампы дневного света. Снаружи доносится лай Мича — это немецкая овчарка Дино, сторожа при обсерватории. Пока документ заново загружается, Кармела разворачивается вместе с креслом.

Шесть белых лабораторных крыс жмутся по углам шести стеклянных клеток. Их жадные глазки смотрят на Кармелу.

— Возможная причина — вы, прошмандовки.

Наступает тишина. Даже Мич перестал лаять. Кармела медленно встает. Ее худоба прямо-таки граничит с истощением, но благодаря малому росту девушка выглядит скорее уменьшенной, чем тощей. Как будто могущественные колдуны превратили ее в макет самой себя. Самое привлекательное в Кармеле — конечно же, ее ангельское, с чувственными губами и большими глазами лицо в обрамлении каштановых волос, собран-

ных в хвостик. Одета Кармела в футболку и джинсы. Когда она наклоняется над первой клеткой, под футболкой становятся различимы маленькие округлости.

— Ну что вы натворили, мерзавки, признавайтесь...

Кармела — девушка робкая и сдержанная, можно даже сказать — трусиха. Говорит всегда тихо, как будто опасается рассердить собеседника. В школе, где Кармела преподает биологию, ее называют Куколкой и считают выпендренницей, но в целом любят, потому что она никого не заваливает.

Кармела проходит вдоль клеток, присматриваясь не только к питомцам, но и к их подстилкам, и к мисочкам с водой. Все как будто на местах. И с полок тоже ничего не упало.

— Я вас застукала. Я описала ваше поведение по методу профессора Манделя: «направление шума, расстояние, время, возможная причина»! — Кармела улыбается. — Отпираться бесполезно. Признавайтесь, что вы натворили?

Крысы большие, с белой шерсткой, толстыми розовыми хвостами и красноватыми хомячьими глазками. Их мордочки подрагивают, крысы неутомимо вдыхают запах Кармелы. Дино о них заботится и кормит, поддерживает в хорошем состоянии даже за счет собственного кошелька. И благодарные крысы лоснятся, как соболя.

Кармела склоняется над последней клеткой. Она не обнаружила ничего необычного ни в животных, ни в клетках, хотя и была убеждена, что шум исходил от крыс. То, что шесть толстых грызунов сообщают о своем присутствии, — это нормально, однако данный кон-

кретный случай пробудил задремавшее любопытство Кармелы, вот только не совсем понятно, чем именно.

— Проанализируйте плюсы. Мы все живем взаперти, но вам достается бесплатная еда, а я ради еды вынуждена работать. И не думайте, что, изучая ваше поведение, я могу заработать себе на хлеб. Так что не считайте себя такими уж незаменимыми, вы шестеро.

Что-то в словах Кармелы заставляет ее задуматься.

— Шестеро... — повторяет девушка, так и не разогнув спины, а потом переводит взгляд на соседние клетки. — Вы шумели все вместе. Среди вас нет зачинщика, поскольку виновны вы все. Кажется, есть такой детектив, где все подозреваемые оказываются виновны в убийстве?..

Кармела смотрит на ряд выключателей. Она распрямляется и выключает все лампы. Шесть клеток погружаются во тьму, их белые обитатели движутся как привидения. Повинуясь интуиции, Кармела зажигает во всей лаборатории ультрафиолетовое освещение.

И тогда становятся различимы свежие влажные пятна.

Этологическая обсерватория представляет собой круглый бункер, спрятанный среди кустов; верхний этаж сделан из деревянных досок; через узкие оконца каждое утро врывается почти ослепительный свет. На этом ярусе располагаются оптические приборы, прикрытые пластиковыми чехлами, — они нужны для наблюдения за птицами и насекомыми, а также за оленями, кроликами и белками. Этот пункт в горах к востоку от Навасеррады, прямо напротив леса Альберче, — иде-

альное место для длительных наблюдений. Нижний этаж, коробка в коробке, выстроен из бетона и предназначен для многодневного пребывания двух или трех наблюдателей. Здесь имеется маленькая лаборатория с шестью клетками, с кое-какими препаратами и простейшими инструментами для опытов, а также три компьютера. Другой сектор нижнего этажа этологи между собой называют гостиной: там есть складная кровать, микроволновка и холодильник. Сектора соединяются прихожей, с одной стороны — туалет, с другой — крошечная кладовка. В гостиной обретается Дино Лиццарди, когда приезжает, чтобы прибраться, накормить и обиходить питомцев перед посещением очередной группы студентов или ученых.

Дино — это огромный мужлан под два метра ростом, с клокастой бородой и начинающейся лысиной, лет ему за сорок. Для Кармелы Дино — как конспект всей ее профессиональной жизни: когда девушка училась на биологическом, Дино работал там сторожем, а еще сантехником и электриком. Всегда хочется, чтобы такой мужчина был рядом, когда у тебя что-то ломается: водопровод, предохранители или романтические отношения. С последним у Кармелы просто беда, но Дино для починки не годится.

Вот и он, уже на пороге; она встречает гиганта в коридоре. Дино одет в анорак-безрукавку поверх клетчатой рубашки; он потирает большие ладони. Мич бросается под ноги хозяину с виноватым видом, склонив голову. Щеки Дино над бородой — как два красных персика.

— Холодно! — Он потирает руки.

— Чуть-чуть, — соглашается Кармела и снимает с вешалки свою куртку.

— Ну, скажем так, холодно для начала сентября! — Дино произносит каждую фразу так, как будто с ним кто-то спорит. Голос у него громовой. На самом деле трудно отыскать двух менее похожих людей: Кармела с мягким голосом, с привычкой изъясняться шепотом и Дино с его манерой сражаться за каждое сказанное слово. — Чего ты с ним цацкаешься, Кармела?! У, несносный зверь!

Кармела улыбается, поглаживая Мича, вид у пса до сих пор пристыженный.

— Но почему, Дино? Он очень хороший.

— Он хороший? Он здесь напрудил. *Ессо!*¹ — Дино тычет своей ручищей в угол. — В прихожей! А я его учил — снаружи! Плохой пес!

Кармела накидывает на шею платок. Через приоткрытую дверь в гостиную она видит ноутбук Дино, на экране новости последнего часа о трагедии самоубийств в Бенаресе (это Индия), а еще она видит журналы с фотографиями голых девиц. Дино зашел в ванную помыть руки.

— Не ругай его, он такой не один, — робко просит Кармела.

— Что?

— Дино, ты чем кормишь крыс? Ты что, сменил марку корма?

— Марку корма? Нет. Жрут, что всегда. Иногда добавляю фрукты. Почему ты спрашиваешь?

¹ Вот! (*um.*)

— Ты не слышал, может быть, Алехо проводил какой-нибудь опыт со стробоскопическим освещением?

Алехо Эстевиль — приглашенный профессор в Мадридском университете Комплутенсе. Кармела знает, что он проводит на крысах эксперименты с прогрессирующим параличом, вводя им тетродотоксин, но, может быть, теперь он затеял новое исследование. Подпись Эстевиля стоит на петиции, которую они вместе послали в министерство, протестуя против закрытия обсерватории.

— Нет, — отвечает Дино. — К тому же он уже две недели сюда не заглядывал.

— Тогда у крыс, вероятно, случился коллективный спазм.

— Чего?

— С ними случился какой-то припадок, и все они обмочились, более-менее одновременно, — рассказывает Кармела, застегивая куртку. Ее мягкий голосок обладает способностью обуздывать порывы Дино, тот в ответ тоже начинает говорить шепотом.

— *Capisco*¹.

— Самое вероятное объяснение — это что их обучили одинаково отвечать на одинаковые стимулы, в данном случае — на отключение света. Вот как выразился бы этолог.

— Я... Уж точно не я заставил их обоссаться.

— Извини, я не имела в виду, что это ты их заставил.

Проблема Кармелы в том, что она не может понять, когда Дино шутит, а когда говорит всерьез. Кармеле с ним и хорошо и тревожно — все вместе. С тех пор

¹ Понимаю (*um.*).

как его мадридская жена умерла после долгой болезни, внутри Дино-весельчака появился еще и Дино-трагик, и он иногда выглядывает из-за маски — вот как об этом судит Кармела.

— Та-а-ак... Профессор Кармела... — На нее нацелился здоровенный палец. — Я пошутил! Нельзя прикалываться над Дино Лиццарди! — Он хлопает ее по плечу.

Хрупкая фигурка Кармелы сотрясается:

— Нет-нет, я не прикалываюсь.

На стене рядом с дверью висит плакат:

ЭТОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ ЖИВОТНЫХ

Ниже изображен пузатый кот с довольной улыбкой, разлегшийся на кушетке психоаналитика; возле кушетки — этолог с блокнотом и карандашом. А рядом с котом на кушетке Дино пририсовал себя — еще более толстого и довольного.

— И не о чем тебе волноваться! — кричит Дино с порога, когда Кармела уже выходит из обсерватории в бледно-серую сьерру и открывает дверь машины. — Не ты же чистишь клетки!

Посреди молчаливой сьерры шум мотора звучит как оскорбление. Кармела разворачивается и начинает спуск по дорожке вдоль леса Альберче. За спиной у нее горный хребет, вид потрясающий. В зеркале заднего вида уменьшенный Дино скрывается за дверью обсерватории. Его последнюю фразу Кармела расценивает как наглость. Но конечно же, это не было наглостью. Просто у Дино такой странный юмор. Профессор Мандель, ее знаменитый, любимый, безвременно ушедший профессор Мандель, сказал бы, что поведение Дино

предполагает несколько способов интерпретации. К тому же, когда ты знаешь, что скоро лишишься своей жалкой низкооплачиваемой работы сторожа и «мастера на все руки» при университете — она исчезнет вместе с обсерваторией и, быть может, с самим Центром экосистем, — тебе поневоле хочется стать ядовитым.

Кармела знает это по себе.

День, несмотря на причудливые облака, выдался хороший. Надевая солнечные очки и ведя «форд» в сторону шоссе Кольядо-Вильяльба, Кармела улыбается: лучшее в этом дне — это что сейчас еще каникулы, пока не начались эти ужасные уроки, которые она ведет в этой ужасной школе, чтобы зарабатывать на жизнь. Вечер она посвятит домашним делам, а потом, может быть, примет неоднократно повторенное приглашение Энрике Рекены, директора Центра экосистем, и наконец поужинает с ним в индийском ресторанчике. Рекена — немолодой разведенный кабальеро, и он ей нравится, и Кармела знает, что это чувство взаимно. Благодаря ему Кармела до сих пор продолжает заниматься этологией, сохраняя верность истинному призванию. Энрике рыцарственен и любезен, полная противоположность Борхе.

К счастью.

К счастью?

Телефон Кармелы лежит рядом. В машине тихо. Время от времени Кармела поглядывает на экран, словно надеясь увидеть ненавистное имя.

Ты как будто этого хочешь, — говорит себе Кармела, но качает головой.

То, что было у них с Борхой Янёсом, закончилось навсегда. Он не имеет права подходить к ней ближе

чем на пятьсот метров — таков приговор судьбы. По счастью, детей им делить не нужно. Однако в приговоре ничего не сказано о телефонных звонках, и Борха имеет наглость иногда ей звонить, но если такое будет продолжаться, Кармела снова обратится в полицию. Их с Борхой больше ничего не связывает, эта глава закончилась.

Тишина на монотонном шоссе навевает скуку. Кармела переключает радиоканалы. Манифестация протестующих в Лондоне встала лагерем в Гайд-парке, ее окружает усиленный кордон. Отдельные группы экологов воспользовались этой манифестацией, чтобы обвинить британское правительство в секретных ядерных испытаниях на западном побережье Австралии, совместно с австралийским правительством. Запрещенными испытаниями они объясняют экологическую катастрофу, которая привела к гибели тысяч рыб в бухте Манки-Миа. Теория коллективного самоубийства в Бенаресе себя не оправдала, теперь власти списывают все на вспышку геморрагической лихорадки. «Горячие зоны» оцеплены, индийцы просят помощи у международного сообщества. Что творится в мире!

Кармела нажимает автонастройку каналов; когда она уже готова смириться с тишиной в машине, радио, как и всегда в последний момент, находит для нее спасательный круг в воде мадридского канала «Твоя музыка FM». Это маленькая независимая радиостанция, созданная, чтобы транслировать песни и яростные обвинения в кризисе и политической дегенерации страны. Акустические гитары и барабан как будто созданы, чтобы отгонять дурные мысли. Кармела выстукивает ритм указательными пальцами по рулю. Кажется,

это новая версия старой песни «Guns N'Roses». В студенческие годы, когда они с Борхой изучали зоологию, они много слушали эту группу. В те времена они были вместе.

Но все прошло. Борха не вернется, как не вернуться и те студенческие годы.

Телефон на торпедо начинает звонить. Кармела делает радио потише и отвечает — сначала посмотрев, кто это.

— Кармела? — Вежливый официальный голос Энрике Рекены.

— Да, Энрике, привет.

— Где я тебя застал?

— Я за рулем, возвращаюсь домой. Недавно из обсерватории.

— Трудолюбивая девочка.

Кармела улыбается. Приятно слышать этот ровный, почти дикторский голос. Рекена — мужчина, к которому ее влечет, это определено, и это никак не связано с ее потребностью в любимой работе.

— Послушай, — говорит Энрике. — Я тут подумал, почему бы тебе ненадолго не заехать в Центр. Хочу тебе кое-что показать.

Слушая Энрике, Кармела замечает, что музыки больше нет. Она прибавляет громкость, подстраивает волну, но ничего не слышит.

Радио в ее машине так просто не сбивается с волны, так бывает, только если на пути у сигнала появляются какие-то препятствия. Однако сейчас машина едет по открытой местности, приему сигнала ничего помешать не может.

Это вообще не похоже на помехи. Из колонок до Кармелы долетают далекие шумы. Она делает вывод, что это на станции возникли неполадки. И выключает радио.

— Кармела?

— Да, Энрике, извини, я здесь.

— Я спрашивал, найдется ли у тебя время.

Кармела обдумывает просьбу Энрике. Звучит как предложение дополнительной работы. В Центре экосистем знают, что девушка пользуется обсерваторией и ресурсами Центра, и поэтому не стесняются нагружать ее мелкими поручениями: прочитать работу какого-нибудь стажера, помочь с отчетом про утечку отходов... Энрике так поступает без злого умысла; Кармела даже подозревает, что единственный его умысел состоит в том, чтобы почаще с ней встречаться.

— Энрике, а можно отложить до завтра? Или до вечера, если хочешь. Сейчас почти два. Я устала и...

По небу под пеной серых облаков пролетает идеально ровный строй темных птиц: плотная дуга движется слева-направо, а мимо Кармелы на полной скорости проносится встречный грузовик. Может быть, это стрижи?

— Пришло письмо от Карлоса Мандела, — добавляет Энрике.

Кармела не сразу понимает смысл услышанной фразы. Слова как будто проделали обычный путь по шоссе, ведущему из уха в мозг, а потом резко свернули, незадолго до въезда в светлый город Понимания.

— Кармела, — устало произносит Энрике, — думаю, тебе правда стоит приехать.

3

Сообщение

Здание Технического центра экосистем поражает своей избыточностью. Центр родился в самые оптимистичные времена президента Сапатеро, под сенью Министерства окружающей среды и той значимости, каковой ученые масштаба Карлоса Манделя обладали на просторах мировой биологии. Инаугурация сопровождалась речами, появлением инфанты, министров, ученых, представителей экологических организаций. Испании предстояло выдвинуться в первый ряд в деле наблюдения, изучения и охраны природных зон и исчезающих видов Европы. Собирались также построить несколько филиалов, первому из которых, на побережье Галисии, предстояло сделаться символическим напоминанием о катастрофе танкера «Престиж». Филиалы так и не были построены.

В Мадриде директором Центра назначили молодого биолога из университета Комплутенсе, чья магистерская диссертация была посвящена вопросам управления, — и Энрике Рекена вошел в свой кабинет, преисполненный энергии и иллюзий.

Оглавление

1. Начало	7
2. Обсерватория	12
3. Сообщение	24
4. Звонок	36
5. Видео	52
6. Допрос	66
7. Манифестация	88
8. Ночные дороги	106
9. Случай	119
10. В поисках убежища	136
11. Клиника	145
12. Министерство внутренних дел	164
13. Движения	178
14. «Я тебя лю»	191
15. Логан	198
16. Снова в обсерватории	207
17. Решения в воздухе	220
18. «Лимит Б»	233
19. Морок	247

20. Осада	258
21. Планы меняются	270
22. Погибшие	278
23. Послание	291
24. Музей	308
25. Обратный отсчет	319
26. Вызревание	333
27. Решения	343
28. Фактор затухания	358
29. Большая Мать	370
30. Испытание	380
31. Норт	393